

В тусклом свете свечей виднелись только четыре фигуры.

Никто не ответил на вопрос мужчины, и только тишина заполнила пространство вокруг них. Лицо юноши стало напряжённым. Он бросил тряпку, готовый вышвырнуть этих людей.

Но его остановил этот человек.

"Старший Брат Чан?" Неуверенно произнёс юноша. "Они солгали тебе. Может, мне выгнать их?"

Мужчина медленно покачал головой. В свете свечей на его лице ясно читались глубокая печаль и тоска. Сделав несколько шагов назад, одна нога прямо упёрлась в табуретку, где на мгновение замерцала, а затем вновь затвердела после того, как прошла полностью.

Все это видели. Зрачки юноши расширились, и его голос стал пронзительным. "Старший Брат Чан!"

Старший Брат Чан, вероятно, почувствовал что-то неладное, потому что на мгновение опустил глаза и громко выдохнул. Он спросил: "Я мёртв?"

"Вы уже умерли." Шэнь Чжисянь слегка закатал рукава и сел на деревянный табурет. "После смерти вы отказались от реинкарнации и вместо этого стали призраком. Но ваша душа скоро рассеется."

Мужчина не ответил, но юноша нервно посмотрел на Шэнь Чжисяня. "Что это значит?"

"В буквальном смысле." Спокойно ответил Шэнь Чжисянь. "У него была навязчивая идея в сердце, и он не захотел входить в цикл реинкарнации. Прошло уже много времени, но он всё равно не прошёл. Его душа находится на грани рассеяния. Тебе лучше поскорее найти себе нового старшего брата."

Юноша вдруг отпрянул и споткнулся о табурет, заставив его пошатнуться. Мужчина попытался поймать его, но его рука прошла сквозь тело юноши.

Открытые пальцы мужчины согнулись, прежде чем он опустил их обратно по бокам. После минутного молчания он вздохнул. Не обращая внимания на настойчивое требование юноши остановиться, он принялся рассказывать обо всех старых делах, которые уже давно лежали в глубине его сердца.

История этого человека не была полна волнений; это было просто разделение жизни и смерти, одно из самых распространённых расставаний в мире.

"Мой дом был рядом с домом А-Ляна, в детстве мы росли вместе, поэтому наши отношения были очень хорошими..."

Так уж получилось, что они оба жили возле пруда с лотосами. Каждое лето пруд был полон зелёных нефритовых лotosовых головок, которые раскрывались, распускаясь в самые красивые цветы лотоса.

В свои десять лет они больше всего на свете любили гулять и поднимать шум. Всякий раз, когда они встречались, они обращали пристальное внимание на эту прекрасную сцену. Для А-Чана самыми лучшими вещами были шумные игры у воды и поедание семян лотоса.

Поскольку летом стояла жаркая погода, а его тело было сильным и здоровым, он часто снимал рубашку и целый день отмокал в воде.

"А-Лянь на самом деле не был назван А-Ляном с самого начала. Это произошло потому, что он любил есть семена лотоса. Я всегда смеялся, что он родился как лotosовый демон. Но он не мог войти в воду, поэтому, когда цветы лотоса созревали, я часто собирал для него их семена..."

В отличие от А-Чана, А-Лянь был недоношенным ребёнком. Он был очень худ и легко мог заболеть от холодного ветра. Поначалу А-Чан не был благоразумен и подбил его играть в воде. В результате той ночью у А-Ляна поднялась высокая температура, и он едва выжил.

А-Чан чувствовал себя виноватым за то, что чуть не убил его. С тех пор он повиновался словам А-Ляна, заботился о нём и задабривал его. Он часто выбирал для него самые большие и сладкие семена лотоса.

Вечером, даже после захода солнца, погода была по-прежнему жаркой и влажной. Худой мальчик сидел на насыпи, держа в руках много больших головок семян лотоса, и тихо позвал: "А-Чан гэгэ, уже темнеет. Поднимайся быстрее. Вода становится всё холоднее."

А-Чан послушно поплыл к нему, но не сошёл на берег. Он посмотрел на лотос в его руках и задумчиво сказал: "Ты кушаешь его весь день. Ты не устал его есть?"

А-Лянь ответил: "Не устал. Это очень вкусно. Я могу есть только это."

Он был слаб и должен был обращать внимание на то, чем питается. В отличие от А-Чана, он не мог просто есть всё, что хотел. Поскольку он часто простужался, даже семена лотоса приходилось есть в меру.

А-Чан молчал. Через некоторое время он, казалось, принял решение. "Есть семена лотоса слишком просто. Когда я немного подрасту, я уйду и научусь делать более вкусные вещи."

Положив обе руки на берег и оттолкнувшись от воды, он поклялся: "Я приготовлю тебе самую лучшую еду."

А-Лянь поджал губы, слегка улыбнулся и ответил согласием. Затем он взял А-Чана за руку, и они вместе пошли домой.

А-Чан был хорошим человеком. Так что, будучи мужчиной, он держался своих слов. Через несколько лет он собрал вещи и ушёл.

Он хорошо всё спланировал. К тому времени его братья уже выросли и могли позаботиться о семье. Причины, побудившие его уйти, служили двум целям: во-первых, он хотел заработать себе на жизнь, а во-вторых, надеялся выполнить своё обещание, данное А-Ляню в том году. Таким образом, он сможет убить двух зайцев одним выстрелом.

В тот день, когда он уходил, А-Лянь стоял у входа в деревню и смотрел на него, держа в руках много головок семян лотоса, которые были даны ему А-Чаном.

"Если ты захочешь больше после того, как закончишь это, пусть мой младший брат соберёт их для тебя." Сказал А-Чан. "Ты не можешь бежать в воду, иначе простудишься."

А-Лянь энергично закивал. В тот год ему было уже восемнадцать лет, но из-за своего слабого тела он по-прежнему выглядел как шестнадцатилетний или семнадцатилетний мальчик. В результате он был намного ниже А-Чана. Он прошептал: "Возвращайся пораньше."

А-Чан сказал "Ммм" и не слишком взволновался. "Расслабься. Через один-три года я вернусь! Вот тогда ты будешь благословлен хорошей едой!"

Его искренний смех постепенно затих вдали. Но кто же знал, что после этого отъезда их разлучат жизнь и смерть.

Говоря об этом сейчас, призрак устало вздохнул и пробормотал: "Кто бы мог подумать, что позже я окажусь втянут в бунт."

Позже молодой человек лет двадцати с отсутствующим видом смотрел на полную луну, освещавшую тёмную, бескрайнюю ночь. Он не мог вернуться назад, но и двигаться вперёд тоже не мог. Позади него окровавленные, всё ещё тёплые тела были поглощены ярким пламенем.

Его тело лежало среди них.

Это было разумно, что люди, которые умерли, должны были войти в цикл реинкарнации для возрождения. Но А-Чан был мучим обещанием того года, что заставляло его душу бежать и скитаться по миру.

В конце концов, он стал блуждающим духом, его память исчезла. Он забыл дорогу домой, а иногда даже забывал, что он дух, всё ещё думая, что является обычным человеком. Но он не мог найти своего А-Ляна. Таким образом, он мог только делать много пирожных из семян лотоса и супов из семян лотоса.

Позже он оказался в этой деревне и встретил молодого сироту, у которого была трудная жизнь, управляющего заведением.

Возможно, потому, что ясные глаза юноши были так похожи на глаза А-Ляна в его мутной памяти, А-Чан решил остаться здесь на несколько лет. Но каждый раз, когда он видел нового гостя, прибывшего издалека, он спрашивал об А-Ляне.

И в конечном счете ничего не услышал.

Существование души в мире Ян также было ограничено временем. Как только это время истечёт, душа может только полностью рассеяться в этом мире, и не будет никакой реинкарнации.

Когда юноша увидел, что дух этого человека всё больше и больше угасает, его глаза покраснели. Он спросил: "Неужели нет никакого способа спасти Старшего Брата Чана?"

"Чтобы спасти его, надо подавить его одержимость." Сказал Шэнь Чжисянь. "Что касается того, как это сделать... Разве она не сможет рассеяться, как только он, наконец, достигнет этого?"

Его внимание было приковано к юноше, и он не заметил, что Янь Цзинь, который всё это время молчал, вздрогнул, услышав, как он это сказал.

Если вы одержимы чем-то, ваша одержимость рассеется, как только вы достигнете этого...

Все глаза были сосредоточены на духе. За исключением Янь Цзиня, который спокойно смотрел на Шэнь Чжисяня с постепенно углубляющимися глазами.

Юноша был в замешательстве. Через некоторое время он медленно отреагировал, его глаза слегка расширились. "Но..."

Старший Брат Чан хотел только увидеть А-Ляна. Где они могли его отыскать?!

"Ищи кого-нибудь для притворства". Шэнь Чжисянь взглянул на быстро испаряющегося духа, который начал выглядеть растерянным и невнимательным. "Теперь он просто сбитый с толку призрак. Если ты заявишь, что ты А-Лянь, он тебе поверит. Только, если ты это сделаешь, то будешь обижен."

Это решение было слишком жестоким. Парень вдруг прикусил нижнюю губу. В уголках его глаз застыла слеза, словно она вот-вот упадёт, и он крепко сжал кулаки.

Но в конце концов, он всё же спросил: "Что мне делать?"

Шэнь Чжисянь не ответил ему и посмотрел на Дуань Юань. Он не мог сделать это без духовной силы, а навыки мечника Янь Цзиня не смогут помочь. В конце концов, они могли положиться только на ученицу из Павильона Цяньин...

Дуань Юань не произнесла ни слова с тех пор, как брат Чан рассказал им свою историю. Эта история была настолько трогательной, что ошеломила её.

Шэнь Чжисянь мягко и тихо сказал: "Юная Леди Дуань, есть работа."

С коротким "Ах" Дуань Юань резко вернулась в чувства. Она осторожно вытащила инструмент сунь из-за пояса и приложила его к своим губам.

Когда тихо прозвучал душевный реквием, рассеивающаяся душа сильно вздрогнула и затем медленно уплотнилась.

Юноша с трудом сделал два шага к нему и, следуя общему описанию, которое А-Чан дал об А-Ляне, позвал дрожащим голосом: "А-Чан гэгэ."

Дух замер. Он повернул голову в сторону юноши. Он долго молчал, а потом, словно внезапно вспомнив что-то, позвал: "А-Лянь?"

"Это я."

Это имя действительно было сутью одержимости духа. Дух тотчас же вспыхнул великой радостью; даже юноша никогда не видел его таким взволнованным. Он подбежал быстрыми широкими шагами и заключил юношу в объятия. "Я наконец-то нашёл тебя, А-Лянь... Я вернулся."

Он бормотал что-то невнятное и наконец сказал: "Прости, что я так долго отсутствовал. Но я научился делать пирожные из семян лотоса и суп из семян лотоса. Вкус должен быть очень хорошим..."

После этого всё шло гладко. Раньше он хотел, чтобы А-Лянь попробовал его пирожные из семян лотоса и суп из семян лотоса. Теперь, когда они наконец-то "встретились" снова, он нетерпеливо пошёл на кухню и спешно принёс тарелку с товаром.

Слабый аромат задержался в носу, намекая на вкус, который был знаком людям вокруг.

Юноша впился зубами в восхитительную выпечку, но вместо сладости почувствовал лишь горечь. Понимая, что ждёт от него дух, юноша прожевал сухое пирожное, проглотил его и выдавил из себя улыбку. "А-Чан гэгэ, это очень вкусно."

Слова, которые дух так долго ждал, чтобы услышать, наконец, попали в его уши. Он улыбнулся, и навязчивая идея, когда-то затаившаяся в глубине его сердца, наконец-то рассеялась. Он сделал последний выдох, и душа начала становиться прозрачной.

Это был признак надвигающегося ухода.

Ложка в руке юноши выскользнула и упала на пол, где разбилась вдребезги. Он посмотрел на угасающего духа, и слёзы потекли по его лицу. "Старший Брат Чан..."

Он и Старший Брат Чан уже давно зависели друг от друга. После стольких лет он стал считать другого своим самым близким человеком. Но Старший Брат Чан...

Даже до последнего вздоха Старший Брат Чан помнил только А-Ляна. Юноша испугался, что этот человек даже не помнит его имени.

Боль от того, что его бросили и забыли, переполняла его сердце. Юноша всхлипнул: "Старший Брат Чан! Я не А-Лянь, я..."

Он произнёс своё имя громко и отчётливо, отчаянно желая, чтобы его услышали и запомнили. "Посмотри на меня..."

Выкрикнув это, юноша заковывал к духу.

Ближе всех к нему был Янь Цзинь. Опасаясь, что юноша может повлиять на уход духа, он попытался остановить его. Но в тот момент, когда он поднял руку, бледная, холодная рука коснулась тыльной стороны его ладони, останавливая.

"В этом нет необходимости. Всё кончено." Произнеся эту фразу, Шэнь Чжисянь повернулся, посмотрев на эту пару. Его глаза блеснули. "Цени всё хорошее, что есть в настоящем. Не причиняй вреда невинным людям."

В конце концов, было неизвестно, жив ли ещё А-Лянь. Однако сердце мёртвой души принадлежало только его старому другу, и в результате он глубоко запутался в прошлом, в конечном счёте причинив боль юноше перед ним.

Шэнь Чжисянь сказал это ненамеренно, это было чисто сентиментально. Но Янь Цзинь был потрясён, когда услышал это.

Береги настоящее...

Не обижай невинных....

Эти лёгкие и нежные слова, сказанные почти со вздохом, врезались в него, как молот, ударив в самое сердце Янь Цзиня. В ушах у него эхом отдавался гул.

<http://tl.rulate.ru/book/3834/102234>